

Он слегка улыбнулся.

Но всё же хотел бы оставаться рядом с Цзян Цзинсином.

Если исключить его скучные рассказы и гадания, то время, проведённое с ним, казалось бы прекрасным.

Первый день соревнований был посвящён гуманитарным наукам, и, как и говорил Цзян Чанлань, Чжоу Юй действительно был выдающимся. Хотя гуманитарные науки сложнее оценить, чем боевые, все его соперники признали его превосходство и уступили.

С его стремительным продвижением он, несомненно, завоюет первое место в гуманитарных науках.

Интересно, что семья Цзян, известная своими литературными традициями, с удовольствием наблюдала за соревнованиями. Цзян Чанлань, скучая, подошёл к Се Жунцзяо, чтобы пообщаться.

Цзян Цзинсин раздражённо спросил:

— Разве у тебя в столице нет друзей? Почему ты всё время пристаёшь к Ацзы?

Даже Цзян Цзинсин, который всегда умел наживать врагов, имел Се Хуаня, который всегда был рядом, чтобы поддержать его. Цзян Чанлань, казалось, был одинок.

— Есть, — уныло ответил Цзян Чанлань. — У каждого есть друзья, но я особенный.

Он пожаловался:

— Немногие из учёных семей находят со мной общий язык, а те, с кем я дружу, либо уехали на границу, либо заняты в императорской гвардии. А те, кто остался, предпочитают проводить время с семьями.

Он был одинок, как кот или собака, которых никто не замечает.

Он был так же одинок, как Се Жунцзяо, который с детства путешествовал с Цзян Цзинсином и из-за своей холодности и неумения поддерживать разговор не имел близких друзей.

Неудивительно, что они сидели вместе.

Цзян Цзинсин покачал головой:

— Звучит печально. Может, стоит подумать о семье?

Неизвестно, откуда у него смелость давать такие советы.

Се Жунцзяо не согласился:

— У каждого свои цели.

Цзян Чанлань, услышав это, оживился:

— Пока Северная Пустошь не уничтожена, о какой семье может идти речь?

Цзян Цзинсин усмехнулся:

— Тогда ты, возможно, обречён.

Северная Пустошь существовала тысячи лет, с тех пор как появилась мутная ци, и сражалась с Девятью Областями. Её не так просто уничтожить.

— Я не говорю, что хочу увидеть её уничтоженной при своей жизни, но хочу быть похожим на маршала Се, — честно сказал Цзян Чанлань, улыбаясь. — Не судите строго, я просто привожу пример. Для таких, как я, маршал Се — как Святой для практикующих. Кто не хотел бы стать следующим маршалом Се?

Цзян Цзинсин холодно заметил:

— Если бы ты так говорил перед Се Чуи, тебя бы не отправили в столицу.

Как истинный Святой, он точно попадал в больное место.

Цзян Чанлань искренне ответил:

— Слова ничего не значат. Мне нужно было бы отправить маршалу Се несколько караванов с провизией, но где я их возьму?

Это было резко и правдиво.

Се Жунцзяо спросил:

— Результаты гуманитарных испытаний объявили. Победил ли Чжоу Юй, о котором ты упоминал?

Цзян Чанлань, проведя некоторое время с Се Жунцзяо, знал о его плохой памяти на лица, и потому удивился:

— Именно он. Как ты его узнал?

Чжоу Юй был привлекателен, но его внешность не была настолько выдающейся, чтобы запомниться.

Цзян Цзинсин усмехнулся:

— Забавно. Вчера к нам приходил человек, представившийся Чжоу Юем, но он был совсем не похож на того холодного и самоуверенного Чжоу Юя, о котором ты говорил. Напротив, он был весьма дружелюбен.

Цзян Чанлань задумался:

— Я лично видел Чжоу Юя, вряд ли мог ошибиться. Может, это был кто-то другой, выдающий себя за него?

Се Жунцзяо пристально посмотрел на Чжоу Юя:

— Обычно я не запоминаю лица, но вчера внимательно рассмотрел этого человека. Это точно он.

Цзян Чанлань размышлял:

— Разница действительно велика. Нельзя сказать, что Чжоу Юй что-то замышляет. Его происхождение проверено, он из бедной семьи, и все его предки похоронены рядом с домом.

Чжоу Юй, почувствовав взгляд, посмотрел в сторону Се Жунцзяо, который отвел взгляд:

— Я использовал Божественное око Феникса. Всё в порядке.

После инцидента с Лу Бинфэнь он стал более осторожен.

Цзян Цзинсин спокойно сказал:

— Ацзы, не переживай. Может, он просто не хотел присоединиться к твоей семье, увидев твою непривлекательность, а увидев Ацзы, решил завести знакомство.

Цзян Чанлань сначала возмущился, думая, что он вполне привлекателен, но, взглянув на лицо Се Жунцзяо и вспомнив настоящий облик Цзян Цзинсина, сдался.

Обдумав, он признал, что логика была безупречна, и, закрыв лицо рукой, сказал:

— Учитель, ваш взгляд действительно острый.

Святой стал Святым не просто так.

Например, если бы Цзян Цзинсин не обладал силой Святого этапа, его бы уже давно убили.

После просмотра гуманитарных испытаний Цзян Цзинсин сказал:

— Глава семьи Цзян не зря хвалил Чжоу Юя. Со временем он, возможно, сравняется с Лу Юю.

Возможно, из-за того, что Се Жунхуа недавно попал в список тех, кого Цзян Цзинсин решил задобрить, Лу Биньвэй тоже получил свою долю внимания, и Цзян Цзинсин говорил о нём спокойно, без личной неприязни.

Се Жунцзяо ответил невпопад:

— Учитель, ты давно не гадал.

Цзян Цзинсин:

— В последнее время у меня достаточно денег, не нужно зарабатывать гаданием.

Как будто Се Жунцзяо когда-либо ему в чём-то отказывал.

Се Жунцзяо беспокоился о его легкомысленном отношении:

— Учитель, ты же говорил, что гадаешь не ради денег. Ты оказался в долгах десять лет назад, потому что увлёкся гаданием и перестал заботиться о заработке.

Ацзы был таким милым.

Он помнил даже случайные слова Цзян Цзинсина, сказанные много лет назад.

Цзян Цзинсин продолжил:

— Если так, то гадание принесло мне больше вреда, чем пользы. Мне стоит бросить это занятие и исправиться.

Се Жунцзяо:

— ...Верно.

Через некоторое время Цзян Цзинсин снова увлечётся гаданием, и ему не нужно будет беспокоиться.

Се Жунцзяо не понимал, зачем он так переживал.

Может, иногда он думал, что после достижения Святого этапа Цзян Цзинсин жил... скучновато.

Цзян Цзинсин улыбнулся, его глаза сияли, как ветер, играющий на поверхности озера:

— Какая тут логика? Именно благодаря моим трудностям десять лет назад я теперь могу быть рядом с тобой. Разве это не великое счастье? Гадание помогло мне больше, чем я думал.

Он всегда был таким. Даже когда говорил что-то неприятное, его улыбка заставляла сердца биться чаще.

Если он действительно хотел кому-то понравиться, это могло быть опасно.

Недалеко висели ветви османтуса, и их аромат был так силён, что казалось, будто они находились в лунном дворце.

Цзян Чанлань изо всех сил сдерживал слёзы.

Проведя годы на границе, стремясь к славе и убивая демонических культиваторов, он не чувствовал ничего необычного в этой атмосфере.

Он просто осознал, насколько он лишний.

Во время боевых испытаний Чжоу Юй, как и ожидалось, дошёл до финала.

Цзян Чанлань рассказал Се Жунцзяо о его сопернике:

— Его зовут Янь, он пятый в семье, с детства обладал выдающимися способностями и был взят на обучение мастером, достигшим этапа большой колесницы.

Ты знаешь, даже если это мастер без школы, достигший этапа большой колесницы, у него наверняка есть уникальные техники. Чжоу Юй же всего добился сам, и это делает его достижения ещё более впечатляющими.

Для практикующих было очевидно, что никакие сокровища не сравнятся с хорошей техникой или оружием.

Помощь учителя, техники и оружия была неоценима.

Чжоу Юй, находясь на пороге этапа малой колесницы, был редким талантом.

Ведь он достиг всего сам, без поддержки.

Если бы он присоединился к одной из Трёх Сekt, его достижения не уступали бы лучшим.

<http://bllate.org/book/16198/1453807>